

М $\frac{35}{390}$

№ 1

Библиотечка „Впередъ“

№ 1

~~192~~
~~1961~~

801-19
95

А. БОГДАНОВЪ

Памяти
ВЕЛИКАГО УЧИТЕЛЯ

ТИФЛИСЬ
Типографія „Надежда“ Баронская 14.
1914

Памяти великаго Учителя

(5 Мая 1818—14 Марта 1883. г.).

Онъ умеръ такъ давно... а самое слово „смерть“ по-прежнему странно не вяжется съ его именемъ. Послѣ него, какъ и послѣ всякаго другого человѣка, осталось, въ сущности, одно-его *дѣло*. Но никогда еще ни одинъ человѣкъ на землѣ не оставлялъ по себѣ такого гигантскаго наслѣдства.

Это наслѣдство—*идея, организація, образецъ жизни.*

Идея... Онъ преобразовалъ политическую экономію, исторію, всю область общественныхъ наукъ; онъ далъ новую душу философій. Изъ богатства его мыслей и знаній черпаютъ вновь и вновь, и долго еще будутъ черпать, не только друзья, а даже враги. И во всемъ этомъ лежитъ одна, все-объединяющая, живая идея. Сама по себѣ, она проста; но не всякому дано понять ея величіе.

За три съ половиной вѣка до Маркса жилъ скромный астрономъ, Николай Коперникъ. Онъ также преобразовалъ свою науку, у него также была одна, простая идея; она—родная сестра идеи Маркса.

Древніе астрономы добросовѣстно наблюдали небо, изучали движенія свѣтилъ, видѣли, что есть въ нихъ глубокая, стройная, непреложная законмѣрность, старались выразить и передать ее. Но—тутъ получалось

Ф. 3164-34

105

2007048637

какая-то странная запутанность. Планеты идут среди звѣздъ, то быстрее, то медленнѣе; порой какъ-будто останавливаются, поворачиваютъ назадъ, и опять переходятъ къ прежнему направленію; а черезъ определенное число мѣсяцевъ и дней онѣ снова на старомъ мѣстѣ, и начинаютъ тотъ же путь. Приходилось придумывать сложныя теоріи, отдѣльное небо для каждой планеты, предназначанные для планетъ круги, вращающіеся въ свою очередь по другимъ кругамъ и т. д. Неясность не исчезала, расчеты были страшно трудны.

У Коперника возникла мысль: не потому ли все это такъ сложно и запутано, что мы смотримъ съ *Земли*? А что, если переменить *точку зрѣнія*, и попробовать — конечно, лишь мысленно — посмотреть съ *Солнца*? И когда онъ сдѣлалъ такъ, то оказалось, что все стало просто и ясно: планеты, и Земля въ числѣ ихъ, движутся по круговымъ, а не извилистымъ путямъ, и Солнце — ихъ центръ; но раньше это не было понято потому, что Землю считали неподвижной, и ея движеніе смѣшивали съ путями планетъ. Такъ родилась новая астрономія, которая объяснила людямъ жизнь неба.

До Маркса жизнь общества изслѣдовали буржуазные ученые, и смотрѣли на нее, естественно, съ *точки зрѣнія своего собственнаго положенія въ общество*, съ точки зрѣнія класса, который не производитъ, а подчиняетъ себѣ трудъ другихъ людей, и пользуется имъ. Но съ того мѣста не все видно, и многое представляется въ искаженномъ видѣ, и многія движенія жизни запутываются такъ, что ихъ нельзя понять.

Что сдѣлалъ Марксъ? Онъ *переменяетъ точку зрѣнія*. Онъ взглянулъ на общество съ точки зрѣнія тѣхъ, кто производитъ, — рабочаго класса, и все оказалось иначе.

Обнаружилось, что именно тамъ — центръ жизни и развитія общества, то Солнце, отъ котораго зависятъ пути и движеніе людей, группъ, классовъ.

Марксъ не былъ рабочимъ; но силою мысли онъ сумѣлъ вполне перенестись на позицію рабочаго. И онъ нашелъ, что съ этимъ переходомъ все тотчасъ мѣняется свои очертанія и формы: раскрываются для глазъ силы вещей и причины явленій, не замѣтныя оттуда, со старой позиціи; дѣйствительность, истина, даже сама очевидность становятся иными, часто противоположными прежнимъ.

Да, и сама очевидность! Что можетъ быть очевиднѣе для капиталиста, чѣмъ то, что онъ кормитъ рабочаго? Развѣ не онъ даетъ рабочему занятіе и заработокъ? Но для работниковъ не менѣе очевидно то, что они своимъ трудомъ кормятъ капиталистовъ. И Марксъ ученіемъ о прибавочной стоимости показалъ, что первая очевидность — иллюзія, видимость, подобно ежедневному движенію Солнца вокругъ Земли, а вторая — истина.

Марксъ нашелъ, что всѣ мысли и чувства людей получаютъ разное направленіе, складываются несходно, смотря по тому, къ какому классу эти люди принадлежатъ, то есть, какое положеніе въ производствѣ или около производства они занимаютъ. Различны интересы, привычки, опыты, различны и выводы изъ нихъ. То, что для одного класса разумно, для другого — нелѣпо, и наоборотъ; что для одного справедливо, закононо, нормально, для другого — несправедливость, злоупотребленіе силою; что кажется свободою тѣмъ, рабствомъ кажется этимъ: идеалъ этихъ вызываетъ ужасъ и отвращеніе въ тѣхъ.

Маркс подвел итоги, и сказал: „общественным бытием людей определяется их сознание“; или, другими словами: экономическим положением определяются мысли, стремления, идеалы. Это была та идея, посредством которой он преобразовал всю общественную науку и философию. На ней основал он великое учение о классовой борьбе, через которую идет развитие общества. И он исследовал путь этого развития, и показал, куда оно ведет, какому классу предстоит создать новую организацию производства, какая будет эта организация, и как она покончит с раздѣлением на классы, с их вѣковой борьбой.

Маркс не был рабочим. Но в рабочем классе великий ученый нашел точку опоры для своей мысли, точку зрѣнія, которая позволила ему проникнуть в глубину действительности, и породила его идею. Сущность этой идеи — самосознание трудового пролетариата. Вот почему Маркс — мыслитель больше, чѣм кто-либо принадлежит пролетариату.

Он принадлежит ему и как великий организатор. Идею пролетариата он сдѣлал могучим оружием организации. Шестнадцать лет прошло с тѣх пор, как прозвучали над миром призывающія къ объединенію слова знаменитого манифеста написанного им с Энгельсом. И эхо живой жизни продолжает повторять их, громче и громче, до самых далеких уголков земли. Гигантскія организации сложились под этим лозунгом, от Запада до далекаго Востока; и растут, собирая силы, неудержимо, быстрее и быстрее, словно лавина Исторіи.

Судьба Маркса-организатора трагична, полна яркых побѣд, но и тяжелых поражений. Не раз су-

ровая жизнь разрушала то, что он создавал тѣной огромных усилий. Как истинный организатор, он не терял мужества перед безвременьем. Он выжидал момента и условий, и вновь упорно, начинал работу, шире, чѣм прежде. Распалась, под гнетом реакціи, та организация, которую в эпоху подъема 1848 года он основал в Германіи; сам он очутился изгнанником на чужбинѣ. Но прошли годы, — и он с товарищами основывает тамъ международное общество рабочих, и руководит его работой, опираясь на свою могучую способность убѣждать людей. Оказалось, что и для этой организации не пришло еще настоящее время: сначала она росла и расширялась; но потомъ обнаружилось, что в ней сошлись слишкомъ разнородные элементы. С тѣловыми пролетаріями — людьми единства и товарищеской дисциплины — не могли ужиться анархисты, представители частью озлобленнаго мелкаго мѣшанства, гибнущаго под ударами капитала, частью пролетаріевъ полу-босаковъ, не прочно связанныхъ производствомъ, недостаточно воспитавшихся на немъ. Анархисты раскололи организацию, и она вскорѣ замерла.

Она была любимое дитя Маркса... Онъ, конечно, не сомнѣвался, что она воскреснетъ. Но не судьба ему было увидѣть это. Онъ не дожидил шесть лѣтъ.

Правда, он видѣл зато, какъ росла нѣмецкая социаль-демократія, проникнутая тѣм же духомъ, и молодая рабочія партія другихъ странъ. Но какое счастье было для него узнать, что та мировая организация, которой отдал он столько силъ вновь поднялась и развернулась в десятки разъ шире, чѣм прежде, что уже теперь больше двадцати пяти миллио-

новъ людей идейно связаны съ нею. Ему не было дано этого счастья...

Марксъ — образецъ *человѣка*, то есть — работника и бойца. Трудъ и борьба составляли его жизнь, какъ они составляютъ жизнь рабочаго класса. И была чиста эта жизнь, какъ то знамя, которое онъ несъ.

Въ немъ воплотился новый типъ, сливающейся творческую мысль и творческую практику въ одно нераздѣльное, гармоничное цѣлое. И въ этомъ тоже онъ принадлежитъ новому міру.

Одновременно съ Марксомъ жилъ Дарвинъ, великій человекъ науки, сынъ буржуазнаго общества. Когда Дарвинъ сдѣлалъ свое великое открытіе — о происхожденіи видовъ живыхъ существъ, — Марксъ понялъ и оцѣнилъ сразу все значеніе этого переворота въ наукѣ. Впослѣдствіи онъ выразилъ это, пославъ Дарвину свое величайшее произведеніе — „Капиталъ“. Дарвинъ даже не сталъ читать этой книги. Геній пролетарскаго міра могъ понять генія буржуазной культуры, но не наоборотъ.

Не было отрасли знанія, чуждой для Маркса. Все изучалъ онъ, всѣмъ интересовался его неустанно работавшій умъ. И въ этомъ онъ — родной для пролетаріата. Мало времени у рабочаго, но все надо ему знать: природу, сопротивленія которой онъ побѣждаетъ трудомъ своихъ рукъ, общество, въ которомъ онъ борется, царство науки, у которой онъ ищетъ руководства на своемъ пути.

Геній Маркса — это душа рабочаго класса, отразившаяся и сознавшая себя въ самомъ сильномъ мозгу XIX вѣка.

Идите дальше! — его завѣтъ.